

Возвращение Матеры

Валентину Распутину сегодня вручается премия Фонда Александра Солженицына

АЛЕКСАНДР АГЕЕВ

Последний серьезный разговор критиков о Распутине был, если мне память не изменяет, годах в 1985–1986-м, сразу после выхода повести «Пожар». Тогда критики сколотили некую «обойму» из трех вещей — айтматовской «Плахи», астафьевского «Печального детектива» и распутинского «Пожара» — и некоторое время рассуждали, хороша или плоха «публицистичность» в литературе. Наверное, это была последняя «штатная», в привычных советских рамках проходившая дискуссия. Выяснили, разумеется, что публицистичность все-таки вредит художественности, хотя проблемы писатели поднимают значительные и животрепещущие. А потом был такой шквал нового в литературе и жизни, что и сами произведения, и вяловатую дискуссию вокруг них этим шквалом просто смыло из памяти.

При этом надо еще помнить, что «Пожар» появился через де-

вать лет после последнего действительно крупного произведения Распутина — «Прощания с Матерой» (несколько рассказов — почти не в счет), а после «Пожара» прошло уже четырнадцать лет, и в этом промежутке — только невнятная публицистика, не принесшая автору ни чести, ни славы, да опять же несколько рассказов, не вызвавших у критиков особого интереса.

Я не говорю о критиках «патриотических» изданий. Странно было бы, если бы они не хвалили (похвала — далеко не анализ) всякое слово, вышедшее из-под пера Распутина. А серьезные критики давно не пишут о Распутине по двум причинам. Основная, конечно же, та, что писать особенно и не о чем. Но есть и еще одна, мешающая многим выразить недоумение нынешним уровнем сочинений Распутина: давняя (для кого-то юношеская даже) любовь. Любовь к Распутину 70-х годов, Распутину того краткого пятилетия, когда одна за другой появлялись его главные вещи. Говорить

о Распутине теперешнем — значит его обижать, но обижать Распутину теперешнего — значит обижать себя тогдашнего, с нетерпением ждавшего каждой новой повести и, кажется, не обманывавшегося в ожиданиях. И, однако, «страшно перечесть»: а вдруг и тогда все мы обольщались, идеализировали, прощали все за сам симпатичный порыв к правде, за стремление напомнить — на фоне плоского официально-оптимизма — о возможности высокого, то есть трагического отношения к жизни?

Нет, что было, то было — то пусть перечитывают историки литературы. А мы будем исходить из того, что должна же и писателю быть обидна «любовь по старой памяти», практически — жалость, из-за которой все, кроме служебных лстыцов, просто молчат. Теперь, когда это молчание прорвал Солженицын, наверняка интерес к писателю вспыхнет с прежней силой. Но будет ли что существенного предложить заждавшемуся читателю? Несмотря

на высокую оценку, которой, несомненно, является премия Фонда Солженицына, рассказ «Изба» (Роман-газета «XXI век», 1999, № 1) не обещает нового этапа в творчестве Распутина.

Все, что есть в этом рассказе, у него уже было — героическая баба, в одиночку способная поставить избу, драма затопленных Ангарой деревень, разоряющий природу леспромхоз, своеобразный «гуманизм» наыворот, вообще свойственный «деревенщикам» — когда в избе они видят больше души, чем в человеке, который ее ставит, героически надрываясь. Новое здесь — и то весьма сомнительно новое, — что хозяйка как бы живет в своей избе и после смерти: «Если же кто из приходящих заглядывал в избу, то замечал, что изба прибрана, догляд за ней есть». Концовка афористическая и — увы — банально-патетическая: «И в остатках этой жизни, в конечном ее убожестве явственно дремлют и, кажется, отзовутся, если окликнуть, такое упорство, такая выносливость, встре-

ВЛАДИМИР СТРОКОВСКИЙ

Валентин Распутин, лауреат 2000 г.

енные здесь изначально, что нет им никакой меры».

Прочитавши такое, много уже раз читанное и у Распутина, и у других «деревенщиков», хочется вздохнуть тяжело и занудливым голосом

спросить: «Чтобы что?» Упорство, выносливость, терпение — ведь это только средства, а описана в рассказе безлюбая, механическая, тупая, несчастная жизнь. Ведь не изба же эта — ее сокровенный смысл?

Время. МН
- 2000 -
4 мая - с 7

193

Распутин Валентин

4.05.2000